

"Мы должны быть благодарны тем коллекционерам в Советском Союзе и на Западе, которые, заглядывая в будущее, собирали работы художников, не добившихся официального признания (...) Но эти художники сыграли жизненно важную роль в развитии дореволюционного и советского театрального искусства в его ранней стадии. Н.Д. Лобанов — именно такой собиратель. Его впечатляющее собрание русского театрального искусства, такие художники, как Лев Бакст, Александр Бенуа, Наталья Гончарова, Михаил Ларионов и Любовь Попова, представляют собой наиболее полное собрание такого рода на Западе".

Джон Боулт (журнал "Russian History/Histoire Russe", vol. 8, 1981)

Меня попросили рассказать о моем собрании и о самом себе — коллекционере. Итак...

Коллекционер

Давайте начнем с того, что посмотрим, кто такой собиратель и почему он, собственно, собирает? На оба эти вопроса замечательно ответил блестящий английский историк искусства Кеннет Кларк: "Существуют два основных типа коллекционеров. Одни собирают определенную серию чего бы там ни было. Другие — только то, что околдовало их. Первый тип (к нему относятся коллекционеры марок и монет) довольствуется ограниченной целью и наслаждается определенностью объекта собирания.

Второй тип страдает, меняет отношение к объекту собирания, самообманывается. Но у этих коллекционеров есть одно огромное преимущество. Им неизвестно, когда новая любовь вдруг заполнит их. Они очень много узнают о себе самих, любя свои предметы своей страсти. Они как бы живут в окружении старых друзей, любовных приключений, о которых очень трудно удержаться и не рассказать приятелям.

Для чего нужно обладать произведением искусства, когда можно увидеть нечто лучшее в музее? На этот вопрос можно ответить (конечно, если вы не сотрудник музея) так: ни одна галерея не сможет предоставить вам этого необходимого ежедневного контакта с вождями произведением искусства. Но это еще не вся правда, поскольку импульс к собирательству необыкновенно силен и он становится практически иррациональной страстью".

А вот что говорит об этом моя жена Нина, наблюдавшая меня в течение многих лет:

"Знакомые считают собирателя несколько странным существом, у него даже не хватает времени для родных и близких. Он доволен жизнью. День для него всегда слишком короток. Ему не знакомы одиночество или скука, поскольку он целиком углублен в предмет своей страсти. Он читает об этом, интересуется ценами, поглядывая на то, что есть у соперников-коллекционеров, ходит по галереям, музеям, дилерам и аукционным домам. Жизнь сама по себе слишком нетороплива для ощущения полного удовольствия. Но собиратель (почти всегда без денег) все же полон предвкушения.

Я знаю людей, собирающих театральные программы, старинное оружие, денежные знаки невероятных инфляций, номерные знаки, старинные акции железных дорог, кованные замки и ключи.

Я читала о человеке, который провел жизнь в поисках двенадцатой дельфийской тарелки — с тем, чтобы у него была полная коллекция. И когда он нашел эту тарелку, ее владелец спросил: "Сколько вы хотите за ваши одиннадцать?"

Я также знаю богатого коллекционера, который собирает только первые издания Диккенса. В тот момент, когда у него появляется полный комплект, он его продает и начинает свою охоту заново. И эти люди, несмотря на то, что друзья относятся к ним с легким сожалением, счастливы. Они нашли для себя настоящий интерес в жизни и просыпаются каждое утро с новой надеждой.

Весь мир поглядывает на него искоса. Но кто знает? Может быть, именно сегодня он найдет совершенно уникальную акцию китайской железной дороги или замок необыкновенной конструкции?"

Мое собрание русской театральной живописи

Почему и где?

Я стал собирателем не сразу. С детства, может быть, лет с пяти, когда мы еще жили в Болгарии, я видел и слышал оперу, драматический театр и балет. В 1954 году, сразу же после того, как я переехал на Запад, моя английская крестная повела меня на великодушную дягилевскую выставку, организованную Р.Баклом в Лондоне. Я был ошеломлен красотой всего увиденного. Театральностью, лубочными цветами, "русскостью". Все это сосуществовало в рисунках театральных костюмов. И у всего этого было дополнительное особое значение для моих "не-западных" глаз.

Это была первая выставка, которую я увидел за границей. Конечно, я знал, что русские писатели и композиторы оказали огромное влияние на западноевропейскую литературу и музыку, но я не представлял себе (а очень немногие понимали это в то время), что частью этого влияния были также и изобразительное, и декорационное искусства. А имен-

Приобретения

Моей первой покупкой в 1959 году были эскизы костюмов для "Петрушки" Сергея Судейкина по 25 долларов за каждый. В декабре 1962 года жена купила за 100 долларов эскиз декорации Александра Бенуа для того же спектакля.

А теперь позвольте мне процитировать самого себя (статья "В поисках работ Экстер").

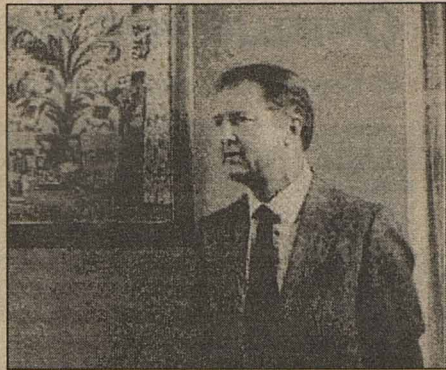
Париж

Художник Симон Лиссим, близкий друг Экстер, уехавший в США из Франции в 1941 году, рассказал нам, что Экстер умерла в парижском пригороде Фонтене-о-Роз. И это было все, что мы знали в то время о ее судьбе, приступая к поискам ее живописи во Франции. После ее смерти большая часть рисунков была отправлена ее душеприказчиками, в соответствии с завещанием, Симону Лиссиму в Нью-Йорк. Тем не менее мы были убеждены, что какая-то часть работ еще находится во Франции и мы сумеем

Афины

Жарким июнем 1965 года мы с Ниной шли по улице Стадиу в Афинах. Хотелось пить, и мы зашли в "Кафе Петроград". Название было вполне зазывным для нас, и мы зашли туда. Потягивая лимонад, мы оглядывали стены, завешанные картинами. Мое внимание привлекла красочная акварель в дальнем конце зала. Чем-то она напоминала мне костюмы Павла Челищева в его киевский период. Пристальный взгляд на эту акварель помог, так как она была без подписи. Тем не менее я уже был заинтригован и затеял разговор с официантом. Он явно не знал, о чем шла речь, и позвал хозяина.

Хозяин кафе представился как Ники (Николай Константинович Яковлев). Он подтвердил мою догадку об авторстве Челищева. Узнав, что я интересуюсь русской живописью, он позвал нас в комнату над его кафе. Потребовалось немалое усилие, чтобы сдержать сильней-

Н.Д. Лобанов-Ростовский.

опера в Париже" ("Opéra Russe à Paris"). Во время немецкой оккупации опера прекратила свое существование, и артисты разъехались по всему миру.

Михаила Бенуа я нашел летом 1968 года в Мадриде. Стены его квартиры были завешаны совершенными шедеврами. Александр Бенуа, Иван Билибин, Щекатихина-Потоцкая! Я замер от восторга, узнавая старых друзей с шикарно изданными программами Русской оперы.

За чаем я понял, что опять мне страшно повезло. Михаил Александрович и его жена Наталья Владимировна собирались купить дом на Канарских островах и переехать туда. Однако у них были сложности с деньгами.

Это было очень длинное чаепитие, в результате которого мое собрание пополнилось уникальными работами "мирискусников", а Бенуа приблизились к покупке виллы на Канарах.

Дилеры

Первый дилер, с которым я познакомился, был Семен Соломонович Болан. Случилось это в 1959 году. Зенит славы Болана пришелся на 20-е годы, когда как специалист по книжному антиквариату он покупал книги, продаваемые советским правительством через своих представителей в Берлине, и перепродавал эти книги университетским библиотекам в США. В 30-х и 40-х годах он ездил по тому же самому делу в Советский Союз.

В 1944 году (за два года до смерти) Сергей Судейкин продал Болану восемь полных театральных постановок — более тысячи акварелей, которые он пригласил для Метрополитен-Оперы. Плюс работы для "Летучей мыши" Балиева, для Евреинова, для Баланчина и других. Они договорились, что Болан перепродаст эти работы Советскому Союзу, используя контакты, установленные в результате книжного торгования.

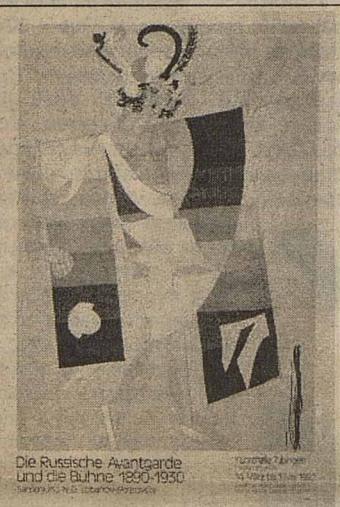
Дополнительно Болан приобрел костюмы и театральные работы А.Бенуа, Н.Гончаровой и К.Коровина. Однако ему не удалось заинтересовать искусством театра людей в Советском Союзе, и он начал распродавать эти работы в Нью-Йорке. Одним из его первых покупателей был собиратель книг и икон А.Фекла, который купил всего "Садко", ставшего частью собрания, находящегося ныне в здании Всемирного совета Церквей (в Манхэттене). По существу все работы наследия Судейкина идут от Болана и очень немногие — от вдовы художника.

В 50-е годы галерея Петра Павловича Третьякова все еще была на 57-й улице в Нью-Йорке, рядышком с Пятой авеню. Он торговал главным образом русской масляной живописью и немного театральным искусством и акварелью.

Я повстречал его (так же, как и Болана), когда они оба уже собирались уходить из бизнеса на покой. К сожалению, у меня не было достаточных средств, чтобы воспользоваться ситуацией.

У Александра Васильевича Яременко была русская книжная лавка на 14-й улице. В 1931 году он опубликовал великолепную, большого размера и ограниченную тиражом книгу о Н.Рерихе. В результате этой публикации у него появилось много рериховских работ для театра. Часть их он продал мне.

С А.П.Малицким я познакомился, когда он уже ушел из книжного магазина Брентана на Пятой авеню. В 30-е и 40-е годы Малицкий, помимо торговли редкими книгами, создал в этом магазине отдел театрального искусства русских художников. Раз в год он ездил в Париж и покупал у дилеров и художников работы для этого отдела. Уже будучи на покое, он торговал русскими книгами из своего дома в Нью-Йорке, где мне посчастливилось купить замечательные работы Бак-

Рисунки из собрания Н.Д. Лобанова-Ростовского на афишах художественных выставок.

но — иконопись, театральное искусство и авангард. Советская критика едва упоминала об этом и только в 60-е годы стала замечать тех, кто эмигрировал в начале 20-х.

Итак, именно там, на выставке, у меня возникло желание обладать такими же картинами и увидеть их висящими на стенах моего дома. Мне было 18 лет, я был эмигрантом без копейки денег и студентом. Прямо скажем, начинать коллекционирование было не с чего. У меня не было за душой даже тысячи франков (в то время это было равно двум долларам), за которые я мог бы купить эскиз костюма у Наталии Гончаровой.

В эти четыре года (1954-1958), что я провел в Оксфорде, изучая геологию, я подружился с сестрами Б.Пастернака, познакомившись с искусством их отца — прекрасного русского импрессиониста Леонида Пастернака. Я также внимательно слушал русских старших поколений, особенно когда они вспоминали Дягилева и его "Русский балет" или что-то другое, связанное с театром, мюзик-холлом или оперой.

В 1958 году я переехал в Нью-Йорк, где продолжал изучать геологию. Там я искал и встречал людей, которые работали с Дягилевым или знали его. Я записывал все: кто с кем состоит в родстве и что у кого сохранилось — в мире русских художников и артистов. Я прошел всеми дорожками, ведущими к детям, женам, бывшим женам, бывшим любовницам художников, которые работали для Дягилева и впоследствии для его продолжателей или для других театральных трупп. Материал, который я собрал, был использован мною для статьи под названием "Русские художники и сцена". Эта статья была нечто вроде "Кто есть кто" с упором на то, кто, что и где рисовал.

В 1962 году я ушел из геологии и начал работать в банке. Мое небольшое жалованье позволило мне сделать первые скромные покупки. Именно тогда я женился, и моя жена, полурусская, полужанузенка, разделила мой интерес к русскому театальному искусству. Ее требовательный глаз и профессиональная подготовка журналистки оказались огромным вкладом в сбор информации, поиски работ и подготовку каталогов.

их найти. Возможность сделать это возникла в 1965 году, когда нью-йоркский банк, в котором я работал, отправил меня в их парижское отделение на шесть месяцев.

Как-то моя жена Нина и наш приятель, поклонник русского искусства виконт Жорж Мартен дю Нор поехали в Фонтене-о-Роз. Там они стали расспрашивать местных булочников и зеленщиков о том, что они помнят об А.Экстер. К сожалению, некоторые, еще помнящие это имя, не имели ни малейшего представления, где она жила. После двух часов, полных разочарования, Нина отправилась в местную мэрию и попросила книгу регистрации рождений и смертей за март 1949 года. Клерк отказал ей в этой просьбе. Тогда Нина вынула французскую карточку прессы, которая полагалась ей как сотруднице журнала "Ридерс дайджест" в Париже. Этот жест произвел на клерка впечатление, и он сдался. Нина очень быстро нашла запись от 17 марта 1949 года: "Мадам Жорж Некрасов, урожденная Александра Александровна Григорович, улица Бусико, 29".

Нина и наш приятель отправились по этому адресу и обнаружили трехэтажный дом. Жители его ничего об Экстер не знали, но дали имя и парижский адрес домовладелицы — мадемуазель Иветты Анзиани. Мадемуазель Анзиани вспомнила Экстер с большой теплотой. Выяснилось, что за больной Александрой Экстер ухаживала медсестра по имени Мишелина Стрель. Мы получили ее адрес, и выяснилось, что она теперь старшая сестра в больнице для женщин в том же самом Фонтене-о-Роз.

В следующее воскресенье мы отправились с визитом к мадемуазель Стрель. Она жила в скромной двухкомнатной квартире, принадлежавшей больнице. В первый же момент, как мы вошли туда, нас окружили работы Экстер. На стенах этой квартиры висели четыре или пять больших картин маслом, а также шелкографии (т.н. пошурары) из книги Александры Экстер о театральной декорации (Alexandra Exter. Décors de théâtre), комод, расписанный Экстер, с двумя ящиками, полными пошураров и книжных иллюстраций. А на камине стояли чашка и блюдце, расписанные С.М.Лиссимом.

шее удивление и радость.

На стенах этой комнаты висели три акварели Кандинского, театральные костюмы Гончаровой, работы Коровина и Челищева. На столе и на полу лежали стопки акварелей — театральные костюмы и декораций тех же художников. Яковлев получил их от танцора Бориса Князева, жившего в Афинах. Оказалось, что Князев и Челищев сотрудничали в кабаре Зимина в Стамбуле в 1919-1920 годах и Челищев отдал Князеву много рисунков этого периода.

Я заинтересовался у Яковлева, что можно было бы нам купить. Яковлев предложил Кандинских по 1000 долларов за каждый рисунок, 100 за Челищева и 150 за рисунки Коровина и Гончаровой. И в конце концов предложил купить у него 80 рисунков за 10 000 долларов.

Все, что мы могли наскрести в это время, равнялось 100 долларам. На них мы и купили акварель Челищева. Впоследствии ассистент куратора отдела гравюр и рисунков Музея Метрополитен в Нью-Йорке Джон Маккендри выбрал именно эту работу для обложки каталога выставки, организованной им в Метрополитене в 1966 году.

В следующую нашу поездку в Афины в 1966 году Яковлев представил нас Борису Князеву, и мы сумели приобрести у него несколько костюмов Челищева прямо со стен его квартиры.

Мадрид

В 1929 году русская певица (сопрано) Мария Кузнецова основала "Частную оперу Парижа" ("Opéra privé de Paris"). Вся сложность реализации этой затеи легла на плечи ее мужа, известного французского композитора Альфреда Массне. Художественным директором был назначен баритон Михаил Бенуа.

Выдающиеся русские таланты были привлечены для постановок в этой опере. Достаточно вспомнить Федора Шаляпина, Михаила Фокина, Николая Евреинова, Константина Коровина, Ивана Билибина, Николая Рериха. Высокие артистические требования и пышность постановок превзошли финансовые возможности супругов Массне. И в 1930 году опера перешла в ведомство князя А.Церетели и получила новое название — "Русская

«Русская мысль»

ста, Гончаровой и Коровина.

В.В.Тютчева любили все. Он торговал русскими книгами и даже обслуживал советских сотрудников в ООН. Именно он продал мне первую картину в США — масло Сверчкова — и познакомил меня с другими дилерами. Например, с В.О.Гессеном, с которым у меня до сих пор сохранились самые теплые отношения.

В Париже у меня были близкие отношения с Исаром Сауловичем Гурвичем. Будучи холостяком, он каждое воскресенье отправлялся на чашку чая в семейство Александра Бенуа. И остался верен этому обычаю даже после смерти художника в 1960 году.

Гурвич жил на пятом этаже в мастерской приятеля-художника. Он даже не представлял себе, что у него хранилось. С 30-х годов и до самой смерти в 1974 году он каждый день ходил на аукционы Друо и покупал русские работы за небольшие деньги. Он был приятным человеком, понимал коллекционеров, и цены у него были вполне приемлемыми — особенно, если вы ему нравились.

Совершенной противоположностью Гурвича был Семен Алексеевич Белиц. Очень знающий человек, он торговал живописью только высокого класса. Со мной он разделался очень быстро, сказав: «Заходите, но только тогда, когда вы сделаете большие деньги».

Среди других дилеров в Париже, занимавшихся театральным искусством, были М.П.Флакс, А.А.Парфентьев и М.Соколов. Мадам Курнанд продолжает эту традицию в магазине «La Danse», тем же занимается и Сандро Джаншиев в магазине «A la vieille cité».

Выставки

В 1965 году нью-йоркский фонд Харкнеса обратился к нам с просьбой организовать выставку оформлявших балетные спектакли русских художников.

В следующем году ныне покойный куратор музея Метрополитен Джон Маккендри попросил о содействии в организации выставки русского театрального искусства. Мы дали 105 работ (всего на выставке было показано 112 экспонатов). Эта выставка была за 1967-1969 годы была показана в двенадцати музеях США. Главным спонсором был фонд международных выставок в Вашингтоне.

Этот же фонд выступил в качестве спонсора еще двух выставок. В 1972 году мы выставили 110, а в 1976 году — 127 вещей. Эти работы представляли различные сегменты нашего собрания и объехали за четырехлетний период 14 музеев в США и Канаде. Так продолжалось и потом.

Собирать коллекцию — это всегда счастье. Собирать русское искусство за рубежом в те годы приносило некоторое ощущение обреченности, тяжелое понимание того, что это не нужно той стране, которой все это принадлежит. Я, если хотите, заносил нечто в «красную книгу искусства». То самое «нечто», что могло исчезнуть навсегда. И это случалось. Навсегда утраченное до сих пор отзывается живой болью во мне.

Но собирательство было только половиной моей задачи. Я хотел показать эгоцентрическому Западу, опасавшемуся агрессивного коммунизма, другую Россию — мою. Исполненную цвета, радости, тепла, таланта и гуманизма. И сказать: вот она, настоящая Россия. Смотрите на нее.

Что-то удалось сделать, что-то нет. Но и по сей час я продолжаю активно дополнять и развивать свое собрание. Покупаю работы на аукционах и у частных лиц по обе стороны Атлантики.

Из 141 художника собрания у меня нет особенных фаворитов. Но я очень люблю, когда меня окружают работы А.Бенуа, А.Экстер и Н.Гончаровой.

**НИКИТА
ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ**

Лондон

От редакции

Правительство Москвы и городской комитет по культуре приняли решение организовать сбор спонсорских средств для покупки уникальной коллекции русского авангардного искусства XX века из собрания Н.Лобанова-Ростовского. Как именной дар мэрии Москвы и коммерческих структур, выделивших средства на ее приобретение, эта коллекция будет передана в один из столичных музеев.